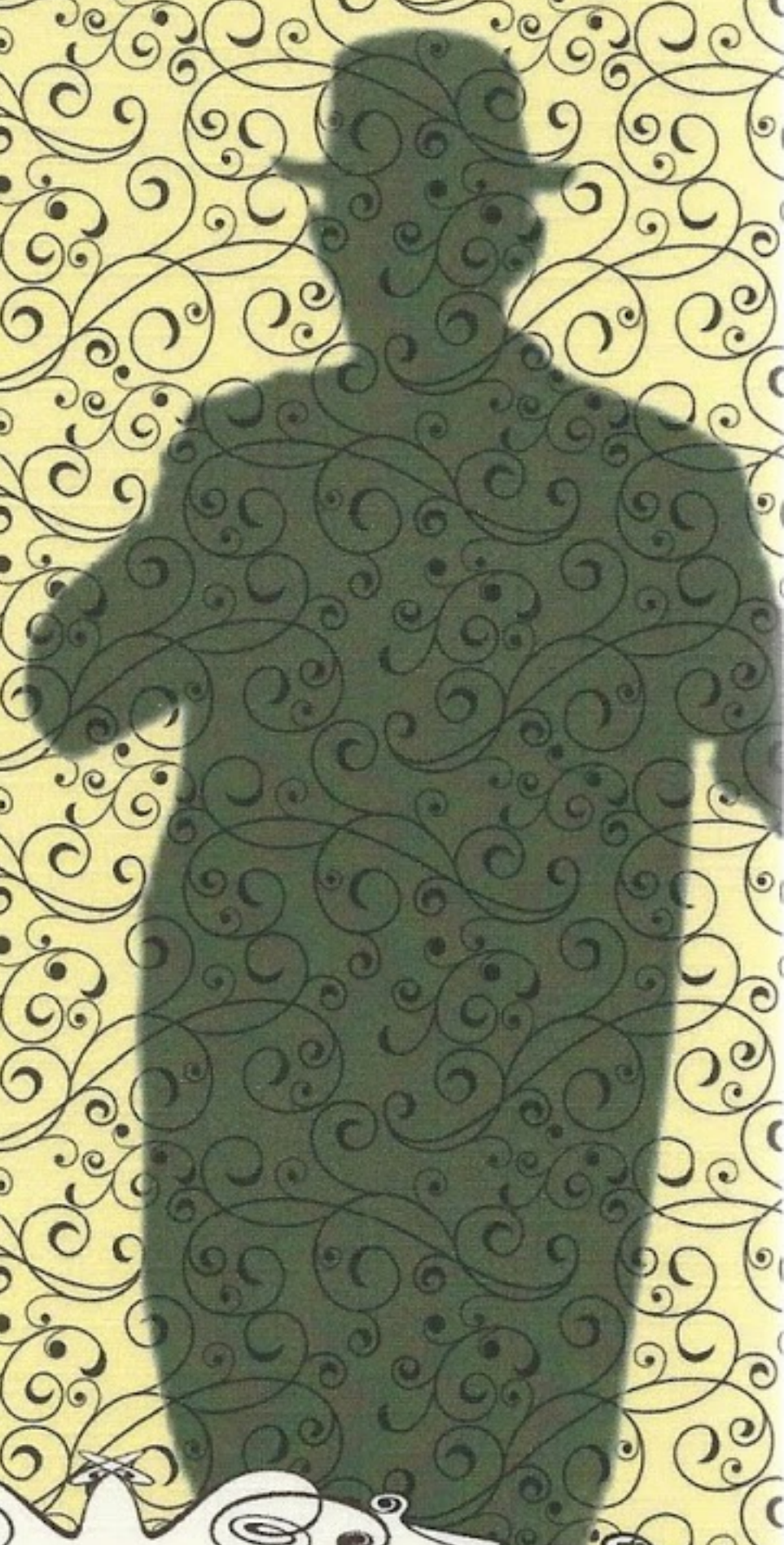

СЕРИЯ
ДЕДУШКИ

Артур Моррисон
Сыщик Мартин Хьюитт

ARTHUR MORRISON

MARTIN HEWITT, INVESTIGATOR

1894

АРТУР МОРРИСОН
СЫЩИК МАРТИН ХЬЮИТТ

Издательство ИП Кузнецов Г.Е.

Тимашевск

2019

deductionseries.blogspot.ru

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
М80

Серия «Дедукция»

Arthur Morrison

Martin Hewitt, Investigator

*Перевод с английского
Светланы Хачатурян*

Моррисон, Артур.

М80 Мартин Хьюитт, сыщик : [сборник] / А.Моррисон; Тимашевск, Издательство ИП Кузнецов Г.Е. – 2019. – 224 с. – (Дедукция)

Серию «Дедукция» мы продолжаем публикацией сборника рассказов «Мартин Хьюитт, сыщик», написанного одним из членов-основателей лондонского детектив-клуба.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Перевод. С.Хачатурян, 2017
© Оформление. А.Кузнецов, 2015

От редакции

Спасибо всем кто помог нам выпустить эту книжку. В нашей серии это уже тринадцатая книжка, а если считать только книги членов детективного клуба – четвертая. Мы хотим познакомить читателя с как можно большим числом писателей из этого коллектива, (но и про остальных детективщиков не забываем). И только лишь энтузиазма для этого мало, так что спасибо за поддержку.

Аудитория читателей электронных книг огромна, и мы рассчитываем, что среди них найдутся читатели, которым не жалко поддержать переводческое дело. Очевидно, что толпы читателей не кинутся нам на помощь, но миллионы нам и не нужны - чтобы подстегнуть нас хватит и нескольких десятков благодарных читателей, которые поддержат нас рублем (долларом, евро, да хоть японской иеной), а заодно и помогут определиться с тем, над какими проектами работать в первую очередь.

Если кто желает в этом поучаствовать — загляните в блог нашей серии deductionseries.blogspot.ru и нашу группу Вконтакте - vk.com/deductionseries

Содержание:

- Артур Моррисон. Кража в Лентон-Крофте (рассказ)
- Артур Моррисон. Исчезновение Сэмми Крокетта (рассказ)
- Артур Моррисон. Случай мистера Фогатта (рассказ)
- Артур Моррисон. Случай торпеды Диксона (рассказ)
- Артур Моррисон. Дело камня Квинтонов (рассказ)
- Артур Моррисон. Тайна камеи Стэнгуэя (рассказ)
- Артур Моррисон. Черепашее дело (рассказ)

Артур Моррисон

Случай торпеды Диксона

Хьюитт был очень изобретателен и точен в работе с огромным количеством интересных шансов и совпадений, которые ему приходилось наблюдать, но не только непосредственно в своей работе, но и в сотрудничестве с полицией, с которой он регулярно поддерживал, можно сказать, дружескую связь. Он рассказывал мне много анекдотов, связанных с представителями Скотленд-Ярда, с которыми ему периодически приходилось обмениваться новостями и опытом. Один из них был, например, об инспекторе Неттингсе, который провел несколько изнурительных месяцев в поисках человека, разыскиваемого американским правительством, а в итоге обнаружил его по совершеннейшей случайности (позвонили не туда), и оказалось, этот человек все это время находился прямо за его стеной (так же совершенно не в курсе о своем соседстве с инспектором). И еще об одном практически отчаявшемся инспекторе (имя я уже сейчас не припомню), которому поручили найти человека, не дав о нем практически никакой информации, и который буквально *врезался* в разыскиваемого прямо на лестничной клетке при выходе из офиса, когда тот остановился, чтобы завязать шнурки! Еще были случаи страшных и печально известных преступлений, разнообразных задержаний людей под подозрением, среди которых оказывались еще и те, кого очень давно разыскивали и за другие дела. Многие преступники получали по заслугам за умышленный ряд преступлений, перетекающих из одного в другое. Часто люди, попавшие в неприятность по какому-то мелкому делу, совершенно нечаянно оказывались впутаны в какое-то масштабное событие, которое заставляло их нести ответственность за прошлые грешки, которые в другой ситуации остались бы абсолютно безнаказанными. Русский фальшивомонетчик Мирский так и гулял бы себе спокойно на свободе, если бы ограничился лишь своим основным делом. Во время его экстрадиции российским властям предполагалось, что он состоял в связи с российским посольством с целью признаться в своих деяниях – глупое решение с его стороны, потому как его местонахождение, а также его род деятельности никогда никем не подозревались. Да, он *действительно* состоял в связи с посольством, но с совершенно другой целью, как в то время хорошо понял Мартин Хьюитт. А что это была за цель – сейчас эта информация публикуется впервые.

* * * * *

Была половина второго пополудни. Хьюитт сидел в своем кабинете за изучением и сравнением почерков на двух разных письмах с помощью больших луп. Он отложил лупы и в предчувствии обеда взглянул на часы на каминной полке. В это время его клерк тихо вошел в дверь, держа в руках анкету, которую обычно заполняли новые посетители. Очень неаккуратным и неразборчивым почерком там было написано:

Имя посетителя: *Ф. Грэхем Диксон.*

Адрес: *Чансери Лейн.*

Вопрос: *Частный и срочный.*

– Пригласите ко мне мистера Диксона, – сказал Мартин Хьюитт.

Мистер Диксон оказался худым измученным человеком около пятидесяти. Он был небрежно одет, а выражение его сильного, хоть и очень уставшего лица и скучающих глаз выдавало в нем усердного «человека ума». Он подался вперед в кресле, которое предложил ему Хьюитт, и принялся рассказывать свою историю с невероятным оживлением.

– Возможно, вы уже слышали, мистер Хьюитт, – я знаю, ходят слухи, – о новой торпедо, которую собирается утвердить правительство. На самом деле она называется торпедо Диксона – мое собственное изобретение, и моя гордость (не только по моему мнению, но так считают и

правительственные эксперты) – намного более эффективная и точная, чем любые другие, производимые ранее. Она будет пролетать на четыре сотни ярдов больше любой существующей сейчас торпеды, с идеальной точностью попадания, и сможет нести беспрецедентно тяжелую ношу. Среди прочих преимуществ: скорость, простая разрядка, и так далее, – не буду вас сейчас этим нагружать. Эта машина – плод долгих лет упорной работы и множественных разочарований, и к ее конструкции мне удалось прийти только тогда, когда я смог аккуратно сбалансировать все принципы и средства, которые впоследствии выразил всего лишь на четырех существующих комплектах чертежей. Все это, разумеется, – строжайшая тайна, и судя по моему состоянию, вы наверняка можете легко догадаться, что я пришел сюда рассказать, что один из комплектов чертежей был украден.

– Из вашего дома?

– Из моего офиса на Чансери Лейн сегодня утром. Четыре комплекта чертежей были распределены следующим образом: два поместили в Адмиралтейском Ведомстве (один – законченный набор из хороших чертежей на толстой бумаге, а второй – копия, сделанная при помощи копирки). Оставшиеся два находились в моем офисе – один черно-белый, выполненный в карандаше (как набросок), а второй – такая же копия, как в ведомстве. Вот самый последний и пропал. Оба комплекта лежали рядом в моем ящике. Оба были там сегодня в десять утра. В этом я совершенно уверен, потому как по приходу на работу я проверял содержимое этого ящика на предмет чего-то другого. Но к полудню копия исчезла.

– Вероятно, вы кого-то подозреваете?

– Нет. Это самое невероятное происшествие. Никто не покидал офис (кроме меня, но это только затем, чтобы прийти к вам) с десяти часов, а так же никто не приходил. И все же чертежи пропали!

– Вы же тщательно все обыскали?

– Конечно! В полдень я обнаружил пропажу и перевернул все вверх дном – я и мои помощники. Мы опустошили каждый ящик, перевернули каждый стол и стул, каждый ковер и даже сняли линолеум, – но нигде не нашли и намека на пропавшие рисунки. Мои ребята даже предложили вывернуть все свои карманы, хотя я ни на мгновение и не думал их подозревать. К тому же, какого же размера должен быть карман, чтобы уместить целый комплект чертежей, особенно сложенных в несколько раз!

– Вы говорите, ни один из ваших ребят, – как я понял, их двое, – сегодня не уходил из офиса?

– Ни один. И оба они сейчас находятся там. Уорсфолд сказал, что лучше они останутся там до того, как что-либо будет предпринято в решении этой загадки, и хотя, как я уже сказал, не подозреваю ни одного из них, я согласился.

– Понятно. Итак, вы пришли сюда, чтобы попросить меня взяться за это дело и отыскать чертежи?

Инженер нервно закивал.

– Отлично. Нужно будет зайти к вам в офис. Но сперва расскажите мне немного о ваших помощниках – что-то, о чем было бы неловко говорить в их присутствии. Начнем, к примеру, с мистера Уорсфолда?

– Он мой чертежник – превосходный и интеллигентный мужчина, очень сообразительный, и я уверен, на него не может пасть никаких подозрений. Он подготавливал для меня бесчисленное количество рисунков (мы с ним работаем уже десять лет), и ни разу этот человек не заставил меня в себе усомниться. Хотя, конечно, соблазн в данном случае необычайно велик. И все же я никак не могу подозревать Уорсфолда. Да право, как я вообще могу кого-либо подозревать в сложившихся обстоятельствах?

– А второй помощник?

– Его зовут Риттер. Он всего лишь копировщик, не полностью квалифицированный чертежник. Это весьма достойный молодой человек, работает со мной уже два года. Не могу сказать, что он как-то особенно умен или научился чему-нибудь специфическому за все это время. Но у меня нет ни малейшей причины подозревать его в краже. Как я уже говорил, я вообще не могу никого подозревать.

– Прекрасно. Думаю, мы сейчас же отправимся на Чансери Лейн, а по пути вы расскажете мне еще что-нибудь об этом деле.

– Меня как раз ждет кэб. Что я еще могу вам рассказать?

– Если быть кратким, то суть, получается, в следующем: когда вы прибыли на работу, все чертежи находились в офисе. Никто не выходил оттуда и никто не входил. И все же рисунки пропали. Я правильно понимаю?

– Именно. Когда я говорю о том, что совершенно никто не входил, я это и имею в виду, разве что за исключением почтальона. Утром он приносил пару писем. Я имею в виду, что абсолютно никто не проходил через ограждение внешнего офиса – обычная вещь, что-то вроде стойки с рамкой из матового стекла.

– Это я хорошо себе представляю. Но мне показалось, что чертежи лежали в ящике вашего *собственного* кабинета, а не внешнего офиса, где сидят чертежники?

– В этом-то все и дело. Это внутренний кабинет, а точнее параллельный внешнему офису и напрямую с ним соединяющийся – прямо как ваши комнаты, из которых мы только что вышли.

– Но далее вы сказали, что никуда не уходили из своего кабинета, а чертежи все равно пропали – вероятно, испарились, пока вы находились в комнате?

– Давайте я вам объясню более подробно. – Кэб плавно двигался вдоль Стрэнда, и инженер извлек из своего кармана записную книжку и карандаш. – Боюсь, – продолжил он, – что я немного запутанно начал свой рассказ, – естественно, сейчас я очень взволнован. Как вы скоро увидите, мой офис состоит из трех помещений: два по одну сторону коридора, и одно – на противоположной стороне. С этими словами он быстро сделал набросок.

– Во внешнем офисе обычно работают мои ребята. Во внутреннем сижу я сам. Эти комнаты соединены одной дверью. Обычно все мы заходим через дверь внешнего офиса, которая выходит в коридор, но прежде проходим через уже привычное ограждение. Дверь же из *внутреннего* офиса, выходящая в коридор, всегда заперта изнутри, и не думаю, что мы открываем ее чаще, чем раз в три месяца. Все сегодняшнее утро она так же была заперта. Ящик, из которого пропали чертежи и в котором они совершенно точно находились сегодня в десять утра, помечен буквой D – это большой шкаф с небольшими ящиками, где мы обычно храним все рисунки.

– Понимаю. Получается, напротив ваших рабочих офисов есть еще одна приватная комната. Что насчет нее?

– Это у нас что-то вроде приемной, в которую мы редко заходим, – разве что проводим там деловые встречи очень частного характера. Так вот, когда я сказал, что не выходил из своего офиса, я имел в виду не внутренний кабинет, а все рабочее пространство в целом. Я все утро перемещался между двумя кабинетами, и даже в приемную заскочил на пять минут, но никто не приходил и не уходил из наших комнат за все это время – дверь в частную приемную была открыта нараспашку, и я стоял у книжного шкафа (как раз зашел туда, чтобы свериться с одной книгой) прямо рядом со входом, поэтому дверь в наш рабочий офис была полностью в поле моего зрения. Да и Уорсфорд, пока я отходил, большую часть времени стоял у входной двери внешнего офиса. Выглянул, чтобы задать мне вопрос.

– Итак, – ответил Хьюитт, – все это подводит нас к первому простому заключению. Вы знаете, что никто не покидал эти помещения, и никто посторонний, кроме почтальона (который никак не мог получить доступ к ящикам), туда не заходил. Это ваш офис?

Кэб остановился у большого каменного здания. Мистер Диксон спустился на землю и провел детектива на первый этаж. Хьюитт мельком оглядел все три помещения. Над ограждением было что-то вроде дверцы из матового стекла, предназначенной для общения с посетителями. Хьюитт открыл ее нараспашку и оставил в таком положении.

Они с инженером вошли во внутренний кабинет.

– Хотите ли поговорить с Уорсфордом и Риттером? – спросил мистер Диксон.

– Сейчас мы к этому перейдем. Я погляжу, это их плащи висят справа от входной двери над подставкой для зонтов?

– Да, это все их вещи: плащи, шляпы, трость и зонт.

– И вы обыскали эти плащи?

– Да.

– А это тот самый шкаф, и вы его тщательно осмотрели?

– О, конечно. Мы вытащили и вытряхнули каждый ящик.

– Ну, должен сказать, что в своей «охоте» вы допустили ошибку. Теперь скажите мне, знал ли кто-либо о местонахождении этих чертежей, кроме вас и ваших работников?

– Насколько мне известно, нет.

– У вас нет мальчишки на побегушках?

– Нет. Ему бы здесь нечего было делать, разве что бегать на почту время от времени, но этим с успехом занимается Риттер.

– Поскольку вы так уверены, что в десять утра рисунки были на месте, это уже не имеет большого значения. Теперь мне нужно знать, нет ли у кого-либо из ваших работников ключей от офиса?

– Ни у кого. У каждой из дверей уникальный замок, и все ключи я всегда ношу при себе. Если Уорсфорд или Риттер приходят раньше меня, им приходится ждать. И я всегда ухожу только после уборки. Видите ли, я очень предусмотрителен.

– Да. Полагаю, цель кражи, – если это действительно кража, – вполне очевидна: продать чертежи какому-нибудь зарубежному правительству?

– Естественно. Они определенно смогут выручить за это огромные деньги. Не стоит и говорить, что я сам искал хорошего вознаграждения за свои труды, но если рисунок получит огласку, всей моей работе придет конец. У нас секретнейшая договоренность с Адмиралтейством, и я потеряю не только работу, но и уважение и доверие, которые доселе возлагались на меня главным управлением. На меня повесят страшные штрафы за нарушение условий контракта, и моя карьера будет разрушена. Словами выразить не могу, как для меня это все серьезно. Если вы не сможете помочь, последствия будут катастрофическими. А еще это, считайте, фактически предательство родины.

– Конечно. Теперь скажите мне вот что. Насколько я понимаю, вору придется *показать* эти чертежи любому желающему их приобрести, – то есть он не сможет их описать простыми словами.

– О нет, это точно невозможно. Все чертежи сложным образом зашифрованы и полны фигур, от которых полностью зависит жизнеспособность разрабатываемой системы. На самом деле только высококвалифицированный эксперт сможет по достоинству оценить весь рисунок. В нем переплетено множество принципов гидростатики, химии, электричества и пневматики, и даже крошечная ошибка или упущение в любой части напрочь испортят работу всей системы. Ох, как же важны эти чертежи, и они пропали!

В этот момент послышался звук открывающейся двери, и кто-то зашел во внешний офис. Дверь между двумя кабинетами была открыта, и через распахнутую стеклянную дверцу ограждения Хьюитту отлично было видно все происходящее по ту сторону. В проходе стоял элегантно одетый темноволосый мужчина с густой бородой; свой портфель он поставил на полку перед собой. Хьюитт поднял руку, призывая к тишине. Посетитель заговорил неожиданно высоким голосом с легким акцентом:

– Мистер Диксон сейчас у себя?

– Он занят, – ответил один из чертежников, – очень важное дело. Боюсь, вам не удастся встретиться с ним сегодня днем. Могу я ему что-нибудь передать?

– Это два... второй раз, что я сегодня сюда прихожу. Лишь два часа назад мистер Диксон сам сказал мне зайти попозже. У меня к нему важное дело: очень превосходный паровой уплотнитель по низкой цене и лучший в своем роде на рынке. – Мужчина постучал по своему портфелю. – Мне только что пришел заказ от крупнейшей железнодорожной компании. Может, я все-таки могу зайти к нему, хоть на секундочку? Я не стану его задерживать.

– Правда, боюсь, сегодня не получится. Сейчас он никого не принимает. Но если вы оставите свое имя...

– Мое имя Хантер. Но какое в этом дело? Он сам просит меня прийти сегодня попозже, и я прихожу, и он занят! Это очень жаль.

С этими словами посетитель взял свой портфель и трость и с негодованием вышел из офиса.

Хьюитт стоял без движения, внимательно уставившись в небольшой проем распахнутой дверцы.

– Вы вряд ли ожидали сегодня человека по имени Хантер да еще и с таким акцентом, не правда ли? – задумчиво заметил детектив. – Это не французский акцент и не немецкий. Но определенно иностранный. Полагаю, вы с ним не знакомы?

– Нет. Он наведлся сюда в половине первого, прямо в тот момент, когда мы перевернули весь офис в поисках пропавших чертежей. Я сам был во внешнем офисе и попросил его зайти позже. Ко мне часто приходят подобные агенты и навязчиво предлагают всякие инженерные приспособления. Но что вы сейчас будете делать? Хотите увидеть моих ребят?

– Думаю, – сказал Хьюитт, поднимаясь, – думаю, я попрошу вас их опросить.

– Меня?

– Да, и у меня есть на то причина. Вы доверите мне ключ от приватной комнаты напротив? Я побуду там, пока вы говорите со своими работниками. Приведите их сюда и закройте дверь. За офисом я сам пригляжу через коридор. Попросите у каждого детальный отчет обо всех их действиях и передвижениях сегодня утром, и пусть вспомнят каждого посетителя, который наведывался к вам с начала этой недели. Я объясню вам все чуть позже. Через несколько минут приходите ко мне.

Хьюитт взял ключ и прошел через внешний офис в помещение напротив.

Через десять минут мистер Диксон, опросивший своих чертежников, пошел к детективу. Он застал Хьюитта стоящим перед столом, на котором лежало несколько рисунков на тонкой копировальной бумаге.

– Смотрите, мистер Диксон, – сказал Хьюитт, – не те ли это чертежи, о которых вы так беспокоились?

Инженер буквально подпрыгнул к столу с криком облегчения.

– О да, да! – воскликнул он, переворачивая листы. – Все на месте! Но где – как – получается, они все это время были здесь? Какой же я дурак!

Хьюитт покачал головой.

– Боюсь, вы не настолько удачливы, как думаете, мистер Диксон, – сказал он. – Чертежи, скорее всего, уже успели побывать за пределами этого здания. Не думайте об этом – я вам позже все объясню. Нельзя терять ни минуты. Скажите, сколько времени понадобится хорошему чертежнику, чтобы скопировать эти рисунки?

– Хороший чертеж можно будет сделать не меньше, чем за два-два с половиной дня усердной работы, – с нетерпением ответил Диксон.

– Ах! Это именно то, чего я боялся. Чертежи сфотографировали, мистер Диксон, и поэтому мы сейчас с вами в крайне затруднительном положении. Если бы кто-то их копировал обычным способом, у нас бы еще оставалась надежда найти эту копию. Но вот фотография – дело другое. Фотографию крайне легко размножить, и как только у вора появится первая проявленная пластинка, остановить его уже будет невозможно. Единственный шанс – заполучить негативы до того, как фото будут проявлены. Нужно действовать немедленно. И боюсь, – но только между нами, – что, возможно, мне даже придется очень явно переступить через закон. Видите ли, чтобы раздобыть негативы, скорее всего, придется ворваться к кому-то в дом. Это дело нельзя откладывать – никаких долгих ожиданий законных процедур, иначе дело пропало. Поэтому очень важен вопрос, есть ли у вас какие-либо средства правовой защиты.

– Мистер Хьюитт, я даю вам полное право поступать так, как вы считаете нужным. Не стоит и говорить, что вся моя жизнь сейчас зависит от вашего решения. Я гарантирую вашу неприкосновенность, что бы ни случилось. Но сделайте, я прошу вас, сделайте все, что возможно. Даже думать страшно о возможных последствиях!

– О хорошо, так я и поступлю, – с улыбкой сказал Хьюитт. – Последствия для меня, если мне поручено вломиться в чужой дом, не смягчит ни одна гарантия. Однако я сделаю все, что в моих силах, под эгидой патриотизма. Теперь мне хотелось бы поговорить с вашим копировальщиком Риттером. Он тут у нас главный предатель.

– Риттер? Но как?

– Пока что не утруждайте себя этим вопросом. Вы расстроены и взволнованы, так что на данный момент вам лучше не знать больше, чем нужно, – так, на всякий случай. С Риттером мне предстоит серьезная беседа. То, что мне не известно, я намерен узнать, – ему так будет полезнее,

чем существовать в счастливом неведении о том, что я знаю. Но для начала спрячьте эти чертежи понадежнее.

Диксон сунул рисунки за книжный шкаф.

– Теперь, – продолжил Хьюитт, – зайдите к мистеру Уорсфолду и дайте ему какое-нибудь задание, чтобы он сидел во внутреннем офисе, и заодно попросите его послать сюда Риттера.

Мистер Диксон позвал главного чертежника и наказал ему привести в порядок все чертежи и ящики во внутреннем кабинете, а также позвать Риттера.

Вскоре Риттер зашел в приемную с видом учливой внимательности. Это был одутловатый, болезненного вида молодой человек с очень маленькими глазками и широким подвижным ртом.

– Присаживайтесь, мистер Риттер, – строго сказал Хьюитт. – Нам с мистером Диксоном прекрасно известно обо всех ваших последних сделках с вашим другом мистером Хантером.

Риттер, до этого легко и расслабленно развалившийся в кресле, быстро выпрямился и побледнел.

– Вижу, вы удивлены; вам следует быть поаккуратнее в своих передвижениях вне работы, если не хотите, чтобы о ваших знакомствах кому-то стало известно. Думаю, чертежи, которые потерял мистер Диксон, сейчас находятся в руках у мистера Хантера, и потому я уверен, что именно вы их ему передали. Это, как вам прекрасно известно, самая настоящая кража, за которую законом налагается суровая ответственность.

Риттер окончательно потерял самообладание и умоляюще посмотрел на мистера Диксона.

– О сэр, – взмолился он, – все не так плохо, я вас уверяю. Признаюсь, меня обуяло искушение, и я спрятал чертежи. Но они все еще в офисе, и я могу отдать их вам прямо сейчас, – честно.

– Неужели? – продолжил Хьюитт. – В таком случае, вам лучше незамедлительно их вернуть. Просто пойдите и достаньте их. Мы не станем тревожить ваш тайник. Я только оставлю эту дверь открытой: прослежу, чтобы вы не заблудились, – ну, знаете... не перепутали лестницу со входом сюда.

Полностью разбитый, Риттер с поникшей головой поплелся в кабинет напротив. Вскоре он снова появился в дверях, еще более бледный и измученный, – если это, конечно, возможно. Он неуверенно смотрел вдоль коридора, будто готовясь в любой момент побежать, но Хьюитт подошел к двери и завел его в приемную.

– Даже не думайте больше нас обманывать, – еще суровее сказал детектив. – Чертежи пропали, и их украли именно вы. Вам это прекрасно известно. Теперь слушайте меня. Вы достаточно натворили, и мистеру Диксону впору прямо сейчас бы вызвать полицию, чтобы отвезти вас в тюрьму, где вам самое место. Но, к сожалению, ваш сообщник, выдающий себя за Хантера (но у которого помимо этого есть еще много имен – это я точно знаю) сейчас владеет ценнейшими чертежами, и нам в срочном порядке нужно их у него изъять. Так что, боюсь, нам придется сделать несколько приготовлений для поимки этого мерзавца – окружить его. Теперь возьмите вон ту ручку и бумагу и пишите своему сообщнику то, что я буду диктовать. Если что-то вызовет у вас затруднения, альтернатива вам известна.

Риттер дрожащими руками потянулся за ручкой.

– Обращайтесь к нему как обычно, – продолжил Хьюитт. – Затем пишите: «Планы изменились». Успеваете? «Планы изменились. Я буду здесь один в шесть часов. Пожалуйста, приходите, и без опозданий». Все записали? Прекрасно. Подпишите и положите в конверт. Он придет сюда, и мы покончим с этим. Все это время вы будете сидеть в офисе напротив.

Записку Мартин Хьюитт положил к себе в карман, не глядя. Однако когда Риттер вернулся во внутренний офис, детектив достал конверт и прочел адрес.

– Понятно, – заметил он, – все то же имя, Хантер. Улица Литтл-Картон, Вестминстер, – туда я и отправлюсь с этой запиской. Если этот человек явится сюда, вам лучше запереть его в кабинете с Риттером и послать за полицейским – по крайней мере это его испугает. Моей целью, естественно, является выманить этого прощелыгу, а затем, если возможно, проникнуть к нему в дом и украсть или уничтожить негативы, если они у него имеются. В любом случае, оставайтесь здесь до тех пор, пока я не вернусь. И не забудьте запереть копии.

* * * * *

Хьюитт вернулся около шести вечера, один, но с широкой улыбкой на лице, что было хорошим знаком.

— Для начала, мистер Диксон, — сказал он, усаживаясь в кресло в приёмной, — позвольте мне облегчить ваши страдания новостью о том, что сегодня мне необычайно везёт. На самом деле вам больше не о чем беспокоиться. Вот эти самые негативы. Они ещё не совсем высохли, когда я... ну, когда я что? — наверное надо сказать, украл их. В общем, они немного слиплись, и возможно пленка повреждена. Вас же это не очень огорчает?

С этими словами он положил на стол маленький газетный свёрток. Инженер поспешно разорвал бумагу и извлёк полдюжины стеклянных фотонегативов, — влажные и слипшиеся сторонами с желатиновой пленкой. Он поочерёдно расцепил все стеклышки и принялся внимательно рассматривать каждое на свету. Через некоторое время с громким вздохом облегчения мистер Диксон положил их в камин и присыпал тлеющими углями.

На несколько мгновений в комнате повисла тишина. Затем Диксон, усаживаясь в кресло, произнёс:

— Мистер Хьюитт, я не могу словами выразить свою благодарность. О том, что бы случилось, не справьтесь вы, я даже думать не хочу. Но что мне теперь делать с Риттером? Кстати, тот его сообщник так и не появился.

— Все верно, ведь я не отдал ему письмо. Достойный джентльмен сэкономил мне кучу проблем, убравшись с моего пути, — рассмеялся Хьюитт. — Боюсь, он сам себя подставил, взявшись за две кражи одновременно, и думаю, вы не сильно расстроитесь, когда узнаете, что его планы на вашу торпеду добавят ему приличный срок за кое-что ещё. Я расскажу вам все, что произошло.

Литтл-Картон, Вестминстер, оказалось очень захудалым местечком — одна из старых улиц, выдавших лучшие дни. В каждом из домов живет много людей, — кстати, это действительно очень большие дома, — и у каждой входной двери весит по несколько звонков (все снизу, прямо как органые регистры). Передняя половина цокольного этажа дома № 27 принадлежит цирюльнику, к нему я и зашел. «Не подскажете, — спросил я, — где я могу найти мистера Хантера?» Он недоверчиво на меня посмотрел, поэтому я продолжил: «Или его друга, мм, — не вспомню его имени. Приезжий джентльмен, темный, с пышной бородой».

Тут цирюльник сразу меня понял. «О, думаю, это Мирский, — сказал он. — Дайте-ка подумать.. пару раз приходили письма к некому Хантеру, я их относил. Верхний этаж в задней части дома».

Это было замечательно. Я узнал еще одно прозвище «мистера Хантера». Итак, чтобы создать впечатление, что мне все о нем известно, я собирался навеститься к нему как к Мирскому, а уже затем отдать письмо на имя Хантера. Небольшой блеф в нужное время бесценен. Я поднялся на верхний этаж и попытался с ходу открыть дверь, но она оказалась заперта. Было слышно, как внутри кто-то возится, будто передвигают вещи, так что я постучался. Буквально через несколько мгновений дверь отворилась на фут, и из-за нее показался мистер Хантер — или Мирский, как вам будет угодно, — человек, под видом путешествующего продавца наведавшийся дважды сегодня к вам в офис. Одет он был по-домашнему и держал что-то под мышкой, предварительно укрыв это что-то попавшимся под руку носовым платком.

«Я по делу к мистеру Мирскому, — сказал я, — личное письмо..»

«О да, да, — быстро ответил он. — Знаю-знаю. Одну минуточку». — С этими словами он сбежал вниз по лестнице со свертком.

Это был прекрасный шанс. На мгновение я подумал, не побежать ли мне за ним на случай, если вдруг этот сверток оказался бы чем-то ценным. Но действовать надо было быстро, так что я решил все-таки пройти в дом. Я тихо зашел в открытую дверь и, обнаружив в замке ключ, запер ее изнутри. Это была довольно куца комната с небольшой железной кроватью в одном углу и неаккуратной перегородкой в другом. За ней, как я и думал, оказалась темное помещение для проявления фотографий.

Там было достаточно светло из-за открытой двери, и я тут же прошел к сушке над раковиной. На ней лежало множество негативов, и я принялся спешно их разглядывать. На середине этого процесса вернулся наш друг Мирский и начал ломиться в дверь. Затем он начал звать.

В этот момент я как раз наткнулся на негативы, которые вы только что уничтожили. Видимо, он только-только их обработал, и они еще не успели высохнуть. Естественно, я взял их вместе со всеми остальными, что лежали рядом.

«Кто там, кто внутри?» – с возмущением кричал Мирский с лестничной клетки. – Зачем вы так врываетесь в мой дом? Сейчас же откройте дверь, иначе я вызову полицию!»

Я не обращал на него никакого внимания. Я собрал весь комплект негативов с чертежами, но нисколько не был уверен, что он не сделал запасных копий, поэтому продолжил поиски на сушке. Больше ничего подобного там не было, так что я принялся переворачивать необработанные пластинки. Видите ли, было вполне возможно, что существует еще один комплект, пусть еще и не обработанный.

Мирский сменил тон. Закончив с криками и выламыванием двери, он принялся заглядывать в замочную скважину. Но поскольку я оставил там ключ, он ничего не смог увидеть. Тут наш друг начал быстро и ладно шептать на иностранном языке. Я не понял ни слова, но думаю, что это был русский. Что его заставило подумать, что я знаю русский, в тот момент я понять был не в силах. Но сейчас у меня есть догадка. А я все продолжал крушить пластинки. Я нашел еще несколько коробок (вероятно со свежими пластинками), но поскольку у меня не было никакой возможности узнать, были ли они новыми или просто не проявленными (но ведь был шанс, что хоть на нескольких из них хранились ваши чертежи), я вытащил их все на яркий свет и уничтожил каждую, не задумываясь о том, что на них было.

Мирский тем временем бросил попытку переговоров и тихо убрался. Возможно его совесть была недостаточно чиста, чтобы вызвать полицию, но в тот момент казалось вполне резонным, что он ушел именно за этим. Так что я поспешил закончить свое задание. Я нашел три темных слайда – части, которые удерживают пластинки в камере, – одна из которых была как раз вставлена в фотоаппарат. Я его открыл и расправился с пластинками внутри так же, как и со всеми остальными. Думаю, никто и никогда не учинял большей разрухи в фотостудии за десять минут, чем я.

Я испортил каждую пластинку, которую смог найти, а проявленные аккуратно сложил в карман, а когда заглянул в фарфоровую скважину для мытья под раковиной, увидел там еще один негатив, и тоже забрал с собой. На нем был изображен *не* ваш рисунок, но российская двадцатирублевая купюра!

Это было *настоящим* открытием. Единственной причиной, по которой кому-то может понадобиться фотографировать банкноты, – создание фальшивых денег. Эта находка меня порадовала не меньше *ваших* чертежей. Теперь уж он мог звать полицию сколько угодно – все стрелки я с легкостью перевел бы на него. Я начал рыскать повсюду в поисках еще чего-нибудь, относящегося к только что найденному негативу.

Среди моих находок оказались какие-то старые куски ткани (использованные при печати с пластинок) и в углу на полу, укрытый кучкой газет и прочего мусора, небольшой копировальный пресс. Рядом так же стояла тарелка с кислотой, но никаких следов напечатанных денег или проявленных пластинок. Я разглядывал негатив и красочный валик у себя в руках и вдруг заметил тень в окне. Я быстро поднял взгляд и увидел Мирского: он висел на каком-то карнизе сбоку от окна и пялился на меня глазами, полными осознания и ужаса.

Этот товарищ исчез из виду в мгновение ока. Чтобы пройти к окну, мне пришлось отодвинуть стол, и к тому времени, как я до него добрался, на улице уже не было ни слуху ни духу полноправного владельца этой комнаты. У меня нет никаких сомнений по поводу того, зачем он бежал вниз со свертком. Скорее всего он принял меня за другого и, зная, что должен был впустить гостя к себе, наскоро закидал копировальный пресс мусором, сложил все пластинки с негативами купюр и спрятал их где-нибудь внизу, чтобы его маленький секрет не раскрылся.

Очевидно, моим долгом было связаться с полицией. Так что с помощью моего друга цирюльника мы нашли посыльного, который помчался с запиской в Скотленд-Ярд. Конечно, я дождался приезда полиции, и пока они мчались на вызов, не терял времени даром и еще раз осмотрелся. Когда на место прибыл детектив, он тут же понял важность этого дела. Кажется, большое количество фальшивых российских купюр с недавнего времени было введено в оборот

на Континенте, и были подозрения, что эти деньги прибыли из Лондона. Российское правительство отправляло срочные сообщения в местную полицию на этот счет.

Естественно, я ни словом не обмолвился о вашем деле. Правда, пока я беседовал с представителем Скотленд-Ярда, посыльный принес письмо, адресованное Мирскому. Письмо это вскроют и изучат уже компетентные лица, но я не без интереса успел заметить, что на конверте красовалась марка с изображением российского имперского оружия и подписью «Российское Посольство». Итак, зачем вдруг Мирскому понадобилось контактировать с российским посольством? Определенно не затем, чтобы рассказать властям о своем обширном и очень прибыльном бизнесе по производству фальшивых российских банкнот. А вероятнее всего затем, чтобы сообщить (возможно еще даже до того, как завладел вашими чертежами), что у него есть информация крайней важности, и пришедшее письмо было ответом. Далее, я считаю вполне возможным, что, когда я обратился к нему по его русскому имени и заговорил о «конфиденциальном письме», он тут же сделал вывод, что я являюсь посыльным из посольства и пришел с ответом на его письмо. Под это предположение отлично подходит тот факт, что он пытался вести со мной переговоры через замочную скважину на русском языке. И, конечно же, представитель российского посольства – самый последний человек на свете, которому наш товарищ захотел бы рассказать о своих печатных экспериментах. Ну, будь что будет, – закончил мысль Хьюитт, – ваши чертежи уже в безопасности, и как только Мирского поймают (что, я думаю, произойдет очень скоро, потому что он прячется по городу в домашней одежде и, скорее всего, не взял с собой никаких денег). Ему определенно подберут какое-нибудь новое прекрасное жилище в одной Санкт-Петербургских тюрем, или сибирских, или кто его еще знает. Так что ему достанется сполна.

– Да, но я все еще совершенно ничего не понимаю насчет чертежей. Каким таким образом их вынесли из кабинета, и как, черт возьми, вы их нашли?

– Ничего проще, и все же план был довольно искусен. Я вам расскажу, как я все это разгадал. Из вашего изначального описания ситуации многие люди посчитали бы, что произошло что-то невероятное. Никто не выходил из офисов, так же, как никто и не заходил, но все же рисунки исчезли. Но, в конце концов, невозможность есть невозможность, и поскольку у чертежей нет ног, чтобы сбежать, очевидно, кто-то «необъяснимым» образом взял их. Итак, если рисунки хранились в вашем внутреннем офисе, то единственными людьми, которые могли бы их взять, помимо вас, были двое ваших помощников, из чего становилось совершенно понятно, что по крайней мере один из них имеет к пропаже какое-то отношение. Вы рассказали мне, что Уорсфорд – превосходный и интеллигентный чертежник. Ну, если бы такой сообразительный и методичный человек задумал предательство, он смог бы запомнить и вынести ваши чертежи из стен офиса в собственной голове (по крайней мере, понемногу), не видя особой необходимости рисковать и красть целый комплект рисунков. А вот Риттер, по вашим, словам не из лучшей породы. «Не особо умен», – кажется, так вы сказали; просто копировальщик без фантазии. Вот он точно не смог бы удержать в своей голове множество сложных деталей, а находясь в подчиненном положении и под присмотром, совершенно невозможно перерисовать чертежи в офисе. С этого я и начал – с самой большой вероятности.

Осматривая ваши кабинеты, я оставил открытой стеклянную дверцу у ограждения, а также распахнул дверь во внутренний офис, чтобы иметь возможность наблюдать за всем происходящим, пусть я и не ожидал ничего особенного. Пока мы с вами беседовали, наш друг Мирский (или Хантер – как вам будет угодно) зашел во внешний офис и тут же привлек мое внимание. А сами вы не заметили ничего необычного?

– Нет, не могу сказать, чтобы мне что-то бросилось в глаза. Кажется, он вёл себя как все путешественники или агенты.

– А вот я заметил, что как только он вошёл, тут же поставил свою трость в подставку для зонтов около двери – по мне, так это самый необычный жест, которого можно ожидать от гостя, впервые оказавшегося в незнакомом месте. Это заставило меня к нему приглядеться. Далее я не без интереса заметил, что эта трость невероятно похожа (по виду и рисунку) на ту, которая уже стояла в этой подставке, – тоже весьма любопытное совпадение. Я внимательно наблюдал за обеими, и в конце концов был очень удивлен, когда увидел, как ваш гость совершенно спокойно взял из подставки *другую* трость – то есть не ту, с которой пришел, – и был таков. Я мог бы за ним

проследовать, но решил, что найду гораздо больше, если останусь, – и оказался прав. Все дело было именно в трости, которую он с собой забрал. Я взял на себя смелость вызволить ее из Вестминстера, потому что, кажется, это собственность Риттера.

С этими словами Хьюитт достал трость. Это была самая обычная трость из толстого малаккского тростника с набалдашником из оленьего рога и серебряным обручем. Детектив погнул ее немного и повертел в руках, а затем положил на стол.

– Да, – ответил Диксон, – это трость Риттера. Теперь, кажется, вспоминаю, что часто вижу ее в подставке для зонтов. Но каким...

– Один момент, мне нужно принести трость, которую оставил Мирский. – Хьюитт вышел в коридор.

Через несколько мгновений он вернулся, держа в руках еще одну трость, абсолютно идентичную первой.

– Ждал, когда ваши помощники уйдут во внутренний кабинет, чтобы ее взять. Я точно знал, что это не трость Уорсфолда, потому что в той же подставке стоял зонт с его инициалами на ручке. Смотрите сюда.

Мартин Хьюитт ловким движением открутил набалдашник у трости. Сразу стало понятно, что это никакая не трость, а обычная труба из очень тонкого металла, раскрашенная под малакканский тростник.

– Было вполне очевидно, что это никакой не тростник, – она не гнулась. Внутри я и обнаружил ваши чертежи. Можно поместить невообразимое количество тонкой копировальной бумаги в маленький диаметр, если уметь плотно скручивать.

– Так что же... получается, именно так их вынесли и принесли обратно! – воскликнул инженер. Теперь мне все ясно. Но как им удалось уйти? Это все еще остается загадкой.

– Нисколько! Послушайте. Мирский заманивает Риттера, и они договариваются стащить ваши рисунки и сфотографировать. Риттеру поручается задание передать чертежи Мирскому, а тот обязуется вернуть их как можно скорее, чтобы никто не заметил пропажи. Риттер обыкновенно ходит вот с этой малакканской тростью, и пыливый ум Мирского сразу же предлагает замаскировать под неё трубу, в которой легко было бы пронести украденные рисунки. Этим утром Мирский приходит с настоящей тростью, а Риттер – с трубой. Ваш помощник не упустил своего шанса (возможно как раз когда вы отходили в эту приватную приемную, а Уорсфолд разговаривал с вами из коридора) и стащил чертежи, плотно свернул, засунул в трубу и аккуратно поставил ее обратно в подставку для зонтов. В половине первого, или когда он там говорил, Мирский появляется на сцене в первый раз с настоящей тростью и незаметно меняет ее на трубу. Так же он поступает и во второй раз, когда в офисе уже находимся мы с вами, – то есть приносит сфотографированные чертежи обратно.

– Да, но Мирский пришёл через полчаса после того, как они... Ах да, теперь понимаю. Какой же я дурак! Позабыл эту деталь. Когда я только заметил пропажу и в поисках рвал волосы на голове, мои чертежи преспокойно хранились в этой трубе прямо у меня под носом!

– Именно. И Мирский забрал их себе прямо у вас на глазах. Думаю, Риттер нехило испугался, когда понял, что пропажа рисунков вскрылась. Он наверняка рассчитывал, что вам они не понадобятся в течение нескольких часов.

– Как хорошо, что я решил написать заметку к одному из рисунков! Я с лёгкостью мог сделать это на чем угодно, и тогда вообще не узнал бы о пропаже!

– Да, это открытие ждать себя не заставило. Остальное, думаю, вполне ясно. Я принёс рисунки сюда, а муляж трости закрутил и поставил на место. Вы узнали свои чертежи и подтвердили, что весь комплект на месте. С этого момента курс моих дальнейших действий был определён, хотя со стороны это и казалось чем-то сложным. Я понимал, что вы очень разозлитесь на Риттера, и поскольку сам хотел с ним разобраться, то поначалу не рассказал вам обо всех своих движениях (лишь из страха, что в таком возмущенном и возбужденном состоянии вы можете случайно сделать что-то, что испортит мой изначальный план). Для Риттера же я притворился, что ничего не знаю ни о том, что чертежи вернулись на место, ни о том, *как* их украли, – то есть о единственных двух вещах, в которых я был абсолютно уверен. Но я *решил* притвориться, будто бы мне все известно о Мирском – или Хантере, – когда на самом деле я совершенно ничего не знал, разве что кроме того, что он, вероятно, носит не одно имя. И тут Риттер окончательно сдался. Когда ваш

помощник понял, что деваться некуда, он решил выкрутиться ложным признанием. Будучи уверенным в том, что чертежи все ещё хранятся в трубе, он соврал, что их никто никуда не уносил, и сказал, что сейчас же их принесёт. Я отпустил Риттера за рисунками, и когда он вернулся, совершенно подавленный открытием, что чертежей и след простыл, ваш горе-помощник полностью попал в мои сети. Понимаете, если бы он знал, что все это время чертежи находились за вашим книжным шкафом, то стал бы елозить и божиться, что они там всегда и лежали, и вообще он к ним даже не прикасался. Нам бы не удалось в достаточной мере запугать его наказанием за кражу, потому что ситуация полностью перешла бы в ваши руки.

Но все сложилось отлично, и Риттер согласился перевести стрелки на своего сообщника: написал на конверте настоящий адрес Мирского, а также письмо, которое должно было отвлечь мошенника, пока я обкрадываю его жильё. В общем и целом, это дело прошло на ура.

– Это просто невероятно, я очень вам благодарен. Но что мне теперь делать с Риттером?

– Вот его трость – можете гнать его взашей с лестницы прямо ей, если вам того хочется. А вот эту трубу на вашем месте я бы оставил себе в качестве сувенира. Не думаю, что наш многоуважаемый Мирский явится за ней. Но Риттера определенно надо выставить за дверь – ну, или в окно, – и немедленно.

Мирского поймали, и после двух судебных заседаний отправили в тюрьму за подделку российских банкнот. Оказалось, что он писал в посольство, как и предполагал Хьюитт, чтобы передать некоторую ценную информацию, а то письмо, что пришло к нему домой во время визита Мартина, действительно оказалось ответом с просьбой описать все более детально. Именно эта ситуация и создала впечатление, будто Мирский писал в посольство, чтобы уведомить властей о своём фальшивомонетничестве. Действительные намерения у него были совершенно иными, но до них никто так и не смог догадаться.

* * * * *

– Интересно, – пару раз говорил мне Хьюитт, – а если бы я не обнаружил эту маленькую денежную фабрику Мирского, было бы это в целом лучше для российских властей? Торпеда Диксона ведь стоит намного дороже даже очень большого количества двадцатирублевых купюр.